

АНДРЕЙ БРЯНЦЕВ

СЛОВО О ВСЕОБЩИХ
И ГЛАВНЫХ ЗАКОНАХ
ПРИРОДЫ... ИЮНЯ 30
ДНЯ 1799 ГОДА
ГОВОРЕННОЕ

Андрей Михайлович Брянцев
Слово о всеобщих и главных
законах природы... июня
30 дня 1799 года говоренное

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24510717

*Слово о всеобщих и главных законах природы... июня 30 дня 1799 года
говоренное: 1799*

Аннотация

«... Всех, великих и вечных во вселенной законов, всемогущим повелителем природы уставленных, ясно и совершенно представить, изъяснить и определить ограниченный разум не в состоянии, а некоторые из них замечать и открывать покушается. И хотя оные законы, может быть, совершенно и не доказаны, однако посредством разумных наблюдений и начал могут быть признаны вероятными и для дальнейших размышлении подают обильную материю. Под именем всеобщих законов природы разумеем мы не логические и онтологические аксиомы, как то: всякое существо есть одно, истинное, доброе; под именем тем не разумеем также начала противоречия и начала виновности. Но под именем всеобщих законов понимаем те, которые по всем природы владычествам, по всем классам и порядкам существ наблюдаются и везде суть одинаковы; кратко сказать:

которыми природа везде управляется и которым вещественные и невещественные существа повинуются. Сии самые уставы философы доказывают или из множества опытов и из созерцания сея вселенныя, или из понятий о высочайшей премудрости зиждителя и творца всяческих, или, наконец, производят истину сию из способности человеческого представления. К сим законам, в космологии замечаемым, принадлежит главнейший из всех...»

**Андрей Михайлович
Брянцев
Слово о всеобщих
и главных законах
природы... июня 30 дня
1799 года говоренное...**

Всех, великих и вечных во вселенной законов, всемогущим повелителем природы уставленных, ясно и совершенно представить, изъяснить и определить ограниченный разум не в состоянии, а некоторые из них замечать и открывать покушается. И хотя оные законы, может быть, совершенно и не доказаны, однако посредством разумных наблюдений и начал могут быть признаны вероятными и для дальнейших размышлении подают обильную материю. Под именем всеобщих законов природы разумеем мы не логические и онтологические аксиомы, как то: всякое существо есть одно, истинное, доброе; под именем тем не разумеем также начала противоречия и начала виновности. Но под именем всеобщих законов понимаем те, которые по всем природы владычествам, по всем классам и порядкам существ наблюдаются и везде суть одинаковы; кратко сказать: которыми природа

езде управляется и которым вещественные и не вещественные существа повинуются. Сии самые уставы философы доказывают или из множества опытов и из созерцания сея вселенной, или из понятий о высочайшей премудрости зиждителя и творца всяческих, или, наконец, производят истину сию из способности человеческого представления. К сим законам, в космологии замечаемым, принадлежит главнейший из всех.

I. *Закон непрерывности*, которого наблюдение в природе учинил славный Лейбниц и назвал его законом непрерывности по причине сходства геометрии с физикою. Каким образом и геометрии всех линий и фигур ведения рождаются движением непрерывным и как в правильных линиях все так между собою соединяется, что одной причину можно вывести из другой, таким образом и в физических вещах все перемены и все превращения из одного состояния в другое совершаются непрерывным порядком.

В природе нет нигде прерывности (*Natura non facit saltum*) [природа не делает скачков], нет никакого упущения, нет никакого внезапного прохождения от одной крайности к другой, лет ничего уединенного или отверженного. Одно зависит от другого, промежутки несовместны, и пустота неместима. Везде примечаем непрерывный союз, посредством которого одно зависит от другого. Все между собою ограничено непосредственно; везде ход постепенный. Каждое изменение, каждое в природе явление предуготовляется и в

зрелость приводится последственно. Вот понятие сего закона! Если обратим взор наш на рождения в природе, на произведения великих и малых перемен в свете и на собственное нашего тела образование, то ясно усмотрим всегдашнее продолжение и неприметно постепенное образование. Как неприметно природа образует свои произведения! Из малейшего ростка возникают стебли и класы, из земли и семени – высокое дерево. И кто может самыми топкими чувствами понять природу по ее следам? Мы сами, как мы сделались тем, что теперь? Наше возрастание, нашего тела образование не приводила ли она в сие состояние постепенным путем? – Самый рассудок человеческий, так сказать, от времени до времени возвышается, и состояние последующее совершенно понимать можно из предыдущего, так как и предыдущее из последующего. – Сей также закон доказывается из свойства всякой системы, в которой как недостаток дополняется, так избыток исключается. И как устав сей наблюдается в вещах физических, то не подвержено сомнению, что оный имеет свою силу и во нравственности.

Однако противоборцы сделают нам возражение, что в природе бывает прехождение от одной крайности в другую. Сколько видим примеров как в политическом, так физическом и нравственном мире? Великие политики прехождение от безначалия к тирании почитают за дело весьма естественное. Как первое, так и другое суть крайности. Иной человек по сложению своего тела от крайнем! неповоротливости

скоро переходит к сильному движению. Флегматик приходит иногда в сильный гнев и запальчивость. Не часто ли случается с человеком, что ни ил одном страсти повергается и противоположенную: сперва весьма весел, потом весьма печален. Не доводило ли иных суеверие до неверия? Не превращалось ли благочестие в нечестие? Все сии явления ничего не доказывают против закона непрерывности. Что кажется нам внезапным прохождением, то при точнейшем внимании и исследовании есть дело естественное, есть прехождение, посредством непрерывной связи естественных причин предуготовленное. Во время смятения и безначалия возбуждается способный дух для отважных предприятий; любоначальный и деятельный человек, пользуясь сим случаем для утеснения, вооружается, и, наконец, неблагоустроенная толпа принуждена подвергнуться воле тирана. Что касается до невспылльчивого гнева и человека тихого характера, то вспыльчивость производится или от таящегося в нем гнева и мало-помалу усиливающегося, или от посторонних обстоятельств, оную питающих, поддерживающих, укрепляющих и, наконец, воспламеняющих. Человек, восхищенный радостию неумеренною и весьма живую, часто подает повод к упрекам, а посему и подвергается следующим из оных беспокойствиям, виновникам печали; всякая неумеренность, даже и во время наслаждения, бывает естественною причиною противоположенных чувствований. Суеверие не что другое есть, как узы разума. Иногда, может быть, дух оживляется и

ободряется. Сие приятное в человеке чувство, усиливаясь, расторгает тяготящие оковы. – Человек, во всем том недоверчивый, что для необузданности его кажется предосудительным и опасным, не верит и самой истине, попирает лучшее с худшим, и как он прежде чему-нибудь верил, чему верить не надлежало, то не согласится также верить и тому, что здравый рассудок предписывает. – От прямого пути удаляющийся предпринимает сие в рассуждении сердца так, как суеверный в рассуждении разума. Правда, он чувствует, может быть, свою потерю, хочет вознаградить, но не знает как. Он, не будучи озарен правильными понятиями, делается, наконец, игралищем своего воображения. Чем больше желает он от себя болезни излечиться, тем неблагоприятнее он в избрании лекарств и, будучи отчаян, следует советам всякого врача. – Вот естественная непрерываемая связь и ход вещей!

II. *Закон бережливости, кратчайшего пути или самома-
лейших средств* (lex parsimoniac, minimitatis). Природа ни-
чего не расточает, ни весьма истощевает и ничего вотще не
употребляет и ничего полезного не опускает, кратко сказать,
малым великое производит. В ней нет недостатка и нет из-
бытка. Что касается до ее действий, то она действует всегда
со всевозможно малейшим употреблением силы и кратчай-
шим путем. Везде примечаем действия, соразмерные дости-
жению цели. А посему сама природа есть великая для нас
наставница, примером своим показывающая вверенных нам

благ и сил в надлежащем порядке содержание для благоразумного употребления, а не расточения.

Но, может быть, кто сделает следующее возражение: в природе некоторые намерения не достигают своей цели; то не совершается, что должно совершиться: сколько тысяч цветов, которые никакого не приносят плода, и сколь бесчисленное множество семян не развивается и пропадает; сколько зачавшихся в утробе младенцев лишается жизни? Десять цветков нужно для одного плода, сто семян для произведения одного растения; итак, самая природа в рассуждении сих случаев не напрасно ли свои силы употребляет и расточает? – Как неправильно заключает маловидящий человек! Ибо некоторые цветы должны были произвести плод, и потому все ли должны претвориться в плоды? Но можно сказать и обратно: многие должны были остаться только цветами, дабы несколько было плодов. Уменьшение существ по силе всеобщих законов было необходимо, и попечительная природа, не терпя излишности и не имея недостатка, все по расчетам своим в надлежащее приводит равновесие, ей известное. Она премудро печется, чтоб благотворная ее цель, для сохранения ее существ, не была уничтожаема. Может быть, также иной скажет: если природа все полезное строит, то для каких выгод случаются бури, сильные ненастья, грады, зной и пр.? Но сии самые перемены не по необходимым ли законам рождаются и действуют? Не споспешествуют ли высочайшим и всеобщим намерениям природы для дости-

жении сноси цели? Ограниченный человеческий разум всегда занимается какою-нибудь мелочью, не видя важнейшего, находит только неустройство вне себя; он, не вникая в большую и всеобщую связь, не усматривает целого сцепления бесчисленных и особых целей. – Противники также возражают, как выше сказано: «Сей цвет должен сделаться плодом, сие зачатие во утробе должно было быть совершенным человеком; но как следствий того часто не видим, то по их мечтанию и самая природа своей цели не достигает и свои силы расточает». – Таie мыслит человек, пред очами своими имеющий, какой-нибудь особый предмет или одну какую-нибудь цель. Но пусть противники, представляющие нам, что сей увядший цвет не принес плода, зачатый во утробе младенец не учинился совершенным человеком, докажут нам не только сие, для чего сей цвет не оплодотворился, для чего зачатый младенец не возник на свет, но еще и то, чтобы из одного цвета большому множеству плодов следовать надлежало. Кто может определить, как далеко каждое существо в продолжении своего бытия проходить долженствует? Кто может предписать дальнейший ход, нежели какой был приличен? Кто измерит всех существ цель?

Между сими главными природы законами также счисляется II 1-й *Закон всеобщего сохранения*, который можно производить из закона предположенного и, как некоторым философам угодно, из закона непрерывности. Если рассудим мы о началах, на которых сей закон основание свое имеет,

то для утверждения сего во всей вселенной наблюдаем мы опыты, показывающие нам везде только разрешения, а при разрешении везде опять новые соединения, но нигде не замечаем недостатка сил природы *в целом*. Если же вникнуть по внутренность уничтожения, то мы не имеем довольной причины все в свете уничтожать. Известные философы Картезий, Билфингер и Мендельзон основание доказательства в рассуждении сего закона заимствуют из свойства божией неизменности.

В природе ничего не пропадает, ни одна пылинка не уничтожается. Все ее действующие силы целы. Всякое существо продолжает свое бытие. В новых образах токмо и бесчисленных смешениях и видах прежние существа паки возникают. Всякое по нашему понятию ветхое, стареющееся и к падению клонящееся и истлевающее преходит в другой вид, лучший и совершеннейший. С одной стороны сколько вещество, по-видимому, уничтожается, столько с другой стороны оное преобразуется и обновляется. И посему Картезий утверждает, что одинаков всегда во вселенной количество сил существует. Даже и остатки человеческого тела, самый прах, в который оно некогда превратится и разрешится, беспрестанно действующей природе подают случай к возрождению оных. Разрушение и восстановление суть вечный природы круг. Все рождения в природе основываются на разрушении. Смерть не другое что есть, как вид возрождения, восстановление повой стройности – прохождение к новой и

совершеннейшей жизни, и исход в новое, обновленное тело. Но сущности вещей, первоначальные силы, из которых все сложения начало свое берут, никогда разрушиться не могут. Преобразование и превращение есть дело природы.

Во всей вселенной везде примечательно определенное количество действующих сил. На сей же равности сил утверждается закон *вознаграждения* (*lex compensationis*). Мы все после проливного и продолжительного дождя ожидаем ясности неба. Тишину погоды преемлют ветры, неурожай награждается плодоношением, избыток отщевается недостатком. Океан иногда поглощает часть земли, а вместо сего из глубины морской возникают острова. Здесь иссякают источники, там новые отверзаются. Природа наблюдает свои расходы и приходы, имеет свои расчеты. Посему ее произведения действий должны быть произведениям и содержанию ее сил равны. Что, по-видимому (ибо мы причин соединений и намерений постигнуть не можем), в одной части мира и в одно и то же время представляется излишним, то в другом месте усматривается недостаточным. Она там много производит, где, как нам кажется, уменьшает и где мы видим недостатки, там она преизобилует. Силы ее никогда не умаляются, но и никогда выше своей сферы не восходят. Что касается до обращений ее, то они суть различны; но произведения ее всегда между собою равны. Присем и то может быть доказательством, что когда и одном месте восходит утренняя заря, то в другом появляется вечерняя. День и ночь, тьма и свет тогда в

одно время существуют, но токмо в различных странах мира; кратко сказать, никогда солнце в одно время не озаряло всех народов одинаковым сиянием; никогда не было всеобщего дня на земле. Се законы природы всеобщие и главные! есть также и другие, испытателями природы замечаемые, как то закон *разнообразности в единстве и единства в разнообразности*, закон *соразмерности* и проч.; но мое намерение было представить только главные, которые всемогущий зиждитель и промыслитель предначертал, дабы моя природа благоговейно его почитала и следовала премудрым и для нее спасительным уставам...